

С. М. Абрамзон, Л. П. Потапов

**НАРОДНАЯ ЭТНОГОНИЯ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ КОЧЕВНИКОВ)

Среди исследуемых этнографами народных знаний важное научное значение имеют представления и сведения, связанные с происхождением, этническим составом и этнической историей отдельных народов или их различных групп, племен, родов, а также более мелких подразделений, входящих в состав крупных этнических единиц или объединений. Эта область народных знаний, которую можно условно назвать народной этногонией, уже давно вызывает интерес исследователей, и не только как некая часть народной духовной культуры, но и как ценный историко-этнографический источник¹. Это вполне естественно, ибо каждый народ, племя и род всегда интересовались своим происхождением, своим родством с другими группами и т. д. и имели на этот счет свои представления, которые в течение многих столетий накапливались, хранились и передавались устно из поколения в поколение. Само собой разумеется, что подобного рода данные иногда включают в себя наряду с историческими фактами и легендарные, мифологические представления, отделить которые друг от друга составляет задачу исследователя. Легендарные сюжеты могут в известной мере рассматриваться как исторический фольклор. Но относить материалы по народной этногонии в целом к фольклору, как это иногда делают, нет оснований.

Народные знания в области этногонии были раньше (а отчасти и теперь) широко распространены среди многих этнических общностей земного шара: коренного населения Америки, Австралии и Океании, народов Азии, Африки. Целые своды генеалогических сведений и представлений некоторых народов запечатлены в письменных памятниках. Достаточно назвать труд знаменитого автора XIV в. Рашид ад-Дина², чтобы убедиться в том, какое значение придавали этому виду источников крупнейшие средневековые историки. Народная этногония существовала в прошлом и у многих современных народов СССР: народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, Приуралья и Поволжья, Северного Кавказа, Средней Азии и Казахстана.

Большой интерес для историко-этнографического изучения представляют народные знания в области этногонии, еще поныне сохранившиеся в памяти старшего поколения современных тюркоязычных народов СССР, в особенности тех из них, которые в недавнем прошлом занимались скотоводством и вели кочевой или полукочевой образ жизни³.

¹ См., например, Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, «Живая старина», 1896, вып. 3—4.

² Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1 и 2, М.—Л., 1952; т. II, М.—Л., 1960; т. III, Баку, 1957. Ср.: А. Н. Кононов, Родословная туркмен, Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского, М.—Л., 1958; Р. Г. Кузеев, Башкирские шежере, Уфа, 1960.

³ Имеются в виду, например, алтайцы, тувинцы, хакасы, телеуты, якуты, казахи, киргизы, узбеки, каракалпаки, туркмены, башкиры, ногайцы и др.

Научное значение этногонии как источника особенно велико, когда речь идет об изучении народов, которые в досоветский период не имели своей письменности или были младописьменными, не имели собственных письменных свидетельств своего исторического прошлого.

Народная этногония является подлинной сокровищницей исторических и этнографических знаний. Ценность их, как показывает сравнительно-исторический анализ, заключается в том, что они, как правило, отражают реальные данные об этническом составе и его изменениях, о родословных племен, родов и более мелких подразделений, об исторических, социальных и этнокультурных связях и др. Именно поэтому фольклор и народные знания по этнической истории (сведения по этнонимике, о происхождении племен и родов и т. д.) существенно различаются и отождествлять их не следует. Достаточно напомнить, что если фольклор у ряда упоминаемых нами народов и отражает некоторые конкретные исторические факты и события, как правило не относящиеся к этнической истории, то это происходит в рамках закономерностей его развития и структуры жанров, в системе свойственных ему образов и приемов, в специфической для него интерпретации. Даже в такой области фольклора как героический эпос саяно-алтайских народов, отражающей различные исторические эпохи, упоминания о конкретных племенах и народах почти отсутствуют, несмотря на то, что у этих народов родоплеменные названия имели реальное значение в их жизни и сохранялись вплоть до Великой Октябрьской революции, а память о них не исчезла и в наши дни.

Иное дело упомянутые выше народные знания по этнической истории, выступающие в форме конкретных кратких сведений и рассказов, которые хорошо коррелируются иногда с другими видами исторических источников, особенно письменными. Они охватывают порой хронологически большие периоды и подтверждаются письменными свидетельствами. Так, многие десятки дошедших до нашего времени названий родов и племен у алтайцев, шорцев, современных хакасов, тувинцев зафиксированы, например, русскими письменными источниками почти 400-летней давности. Сведения об их расселении и хозяйственно-бытовых особенностях подтверждались позднее представителями этих народов⁴. Многие из этих родо-племенных названий нашли отражение в еще более ранних письменных источниках, в частности в древнетюркских рунических надписях или китайских летописях, что служит ценным материалом для восстановления истории этнического состава тюркоязычного населения Южной Сибири (таковы, например, теленгит, телес, телеут, тюргеш, тӧльбер, читтибер, туба, уйгур, кыпчак и др.).

Разумеется, примеры исторической достоверности этногонических знаний у народов Южной Сибири не следует механически распространять на все тюркоязычные и другие народы. Но как показывают, например, исследования этнонимов у тюркских народов Средней Азии, Казахстана, Башкирии, при сопоставлении их с другими видами исторических и этнографических источников, научная источниковедческая ценность их подтверждается⁵. Наличие такого материала может служить доказательством сохранения в составе тюркских народов весьма древних этни-

⁴ Л. П. Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, Л., 1969; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее — ТИЭ), т. LV, М., 1960.

⁵ С. М. Абрамзон, Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, Л., 1971; В. В. Востров, М. С. Муканов, Родо-племенной состав и расселение казахов (XIX — начало XX в.), Алма-Ата, 1968; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950; Г. И. Карпов, Туркмены-огузы (материалы к этногенезу туркменского народа), «Изв. Туркм. филиала АН СССР», Ашхабад, 1945, № 1; Р. Г. Кузеев, Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история, расселение, М., 1974; А. Н. Бернштам, Древние тюркские элементы в этногенезе Средней Азии, «Сов. этнография», сб. статей, 1947, № 6—7, и др.

ческих компонентов и указывать на конкретные древние этногенетические связи.

Подтверждение всему сказанному мы находим в ряде конкретных исследований, в которых хорошо показано научное значение народной этногонии для этнографической науки и для важных исторических выводов.

Более того, опыт исследований в области этнической истории показывает, что они невозможны без широкого привлечения материалов по народной этногонии, в частности данных о родо-племенных делениях и их названиях⁶.

Народные представления о происхождении и этническом составе тех или иных родо-племенных или территориальных образований весьма широки и разнообразны. Охватить их в целом, со всем обилием и разнообразием конкретного материала, в рамках журнальной статьи невозможно, да и нецелесообразно. Мы ограничили свою задачу рассмотрением этногонии прежде всего у тех тюркоязычных народов СССР (бывших кочевников), которыми авторы настоящей статьи специально занимались, т. е. народов Южной Сибири и Средней Азии, преимущественно киргизов.

Остановимся на некоторых данных, характеризующих рассматриваемую область народных знаний в качестве источника для историко-этнографических исследований. К ним прежде всего нужно отнести народную этнонимистику, т. е. различные этнонимы и эпонимы, бытовавшие или бытующие в качестве самоназваний или названий, даваемых соседями тем или иным народам, племенам, родам, их локальным или территориаль-

⁶ См.: С. М. Абрамзон, *Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии*, сб. «Родовое общество», ТИЭ, т. XIV, М., 1951; его же, *Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии*, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. IV, М., 1960; Г. П. Васильева, *Работы Туркменского этнографического отряда в 1954—56 гг.*, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 1, М., 1959; ее же, *Объяснительная записка к историко-этнографической карте Ташаузской области ТССР*, «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана», ТИЭ, т. XLVIII, М.—Л., 1961; Я. Р. Винников, *Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии*, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1956; его же, *Родо-племенной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение*, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, серия этнографическая», т. VI, Ашхабад, 1962; Т. А. Жданко, *Очерки исторической этнографии каракалпаков*; К. Л. Задыкина, *Некоторые вопросы изучения этнического состава населения бассейна Кашка-Дарья в Сурхан-Дарьинской области Узбекской ССР*, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», 1962, вып. 37; Б. Х. Кармышева, *Узбеки-локайцы Южного Таджикистана*, Душанбе, 1954; ее же, *Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков*, «Сов. этнография», 1960, № 1; Г. И. Карпов, *Племенной и родовой состав туркмен*, Полторацк, 1925; Р. Г. Кузеев, *Очерки исторической этнографии башкир, ч. I. Родо-племенные организации башкир в XVII—XVIII вв.*, Уфа, 1957; его же, *К этнической истории башкир в конце I—начале II тысячелетия н. э.* (опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд), сб. «Археология и этнография Башкирии», III, Уфа; 1968; его же, *Роль исторической стратификации родо-племенных названий в изучении тюркских народов Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии*, «IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Чикаго. Доклады советской делегации», М., 1973; М. С. Муканов, *Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза, Алма-Ата, 1974*; В. М. Плоских, *Община и патриархально-родовой уклад у киргизов XIX в.*, в кн.: «К истории социально-экономических укладов Киргизстана», Фрунзе, 1972; Л. П. Потапов, *Этнический состав и происхождение алтайцев*, Л., 1969; его же, *Очерки народного быта тувинцев*, М., 1969; С. П. Толстов, *Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен*, журн. «Проблемы истории докапиталистических обществ», Л., 1935, № 9, 10; Л. С. Толстова, *Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса, Нукус—Ташкент, 1963*; К. Ш. Шаниязов, *Узы (из истории родо-племенных делений узбеков)*, «Общественные науки в Узбекистане», 1970, № 2; его же, *К вопросу расселения и родовых делений канглы*, сб. «Этнографическое изучение быта и культуры узбеков», Ташкент, 1972; его же, *К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента)*, Ташкент, 1974, и др.

ным группам и т. д. На этом материале можно порой обнаружить, что тот или иной народ, племя или локальная группа становится известным не столько по самоназванию, сколько по наименованию, данному ему соседями. Одним из многочисленных примеров может служить название «тубалары», которое часть северных алтайцев получила от своих соседей — южных алтайцев. Термином *туба* (множественное число *тубалар*), по утверждению В. В. Бартольда, тюркские народы или племена восточной части Центральной Азии называли обычно самодийскоязычное население Саяно-Алтая⁷. Сами же алтайские тубалары, согласно народным данным, хотя и называют себя обобщенно, но другим, а именно описательным термином *иш киж*, что значит «лесные люди». Однако, как правило, до недавнего времени они называли себя главным образом по имени того или иного рода (*сеок*). Таковы названия *юз*, *комдош*, *кузен*, *ярык* и т. д. Большую группу южных киргизов их соседи называли общим именем *ичкилик*, хотя составлявшее ее население устойчиво сохраняло либо свои племенные названия, либо названия отдельных народностей, осколком которых являлись те или иные группы ичкиликов (*тёёлёс*, *кыпчак*, *найман* и др.).

Изучение народной этнонимии нередко показывает, что значительные группы тюркоязычного населения, например Южной Сибири, не имели общего самоназвания, именуя себя только по родо-племенным группам или даже административным единицам, введенным царской администрацией. Последняя, кстати сказать, внесла большую путаницу в этносоциальную терминологию кочевников, введя в нее (будто бы в соответствии с традицией кочевников) еще административные «роды» и «подроды», «волости» с сохранением за ними (или присвоением им) нередко тех или иных местных родо-племенных названий. Примером этого могут служить нынешние хакасы, которые в дооктябрьский период не имели общего самоназвания, а названия *хакас* вообще не знали. Они называли себя по родам и племенам (*сагайцы*, *качинцы* и др.). Однако после длительного проживания в составе так называемых «степных дум» или «степных управ», созданных царской администрацией после 1822 г. (реформа Сперанского), стали постепенно называться по имени таких дум или управ. Комплектование степных дум или управ основывалось на традиционном принципе деления коренного населения на «роды» и «племена», хотя такие (особенно мелкие) подразделения являлись преимущественно административными образованиями, созданными по образцу некогда естественно выросших или исторически сложившихся местных родо-племенных единиц. Население, отнесенное к той или иной думе или управе, также приписывалось к определенному административному роду, и лица, приписанные к данному роду, платили налоги, несли всякие повинности и подлежали юрисдикции своей думы, независимо от того, проживали они на территории, входящей в ведомство думы, или за ее пределами. Распутать все это и восстановить реально существовавший в недалеком прошлом родо-племенной состав нынешних хакасов помогли в значительной мере именно народные знания⁸.

Насколько ценные данные для историко-этнографических исследований содержат названия родов и их подразделений можно показать опять-таки на материалах Южной Сибири. Многие названия родов (сеоков) отражали особенности хозяйства и быта местного тюркоязычного населения. Таково, например, название сеока *кобурчи-комдош* (угольщики-комдоши) у северных алтайцев, специализировавшихся раньше на изготовлении древесного угля для домашней плавки железа,

⁷ В. В. Бартольд, Соч., т. V, М., 1968, стр. 42.

⁸ См. Л. П. Потапов, Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), Абакан, 1952; его же, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957.

или *палан-комдош* (калинщики), в жизни которых большую роль играла заготовка ягод калины. То же самое можно сказать в отношении названия сеока *саргайчы-юз*, которые в большом количестве собирали и заготавливали впрок сарану. Название подразделения сеока *ярык* — *сыгынычы-ярык* отражает ведущую роль охоты на марала в хозяйстве этой группы и т. д. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что из народных знаний могут быть извлечены ценные сведения по истории хозяйства и быта отдельных этнических групп. В связи с переселениями те или иные виды хозяйственной деятельности, а также отдельные стороны быта либо изменялись, либо вовсе утрачивались. Народная этнонимика помогает реконструировать прошлое этих групп, их материальную и духовную культуру. Некоторые названия дают представление о топографии расселения сеоков, в одних случаях — о локализации разных групп одного сеока в верхнем или нижнем течении реки (*орё-куманды* — верхние и *алтына-куманды* — нижние кумандинцы), в других — о проживании части сеока в горах или в речных долинах, например, *тагкарга* (горные) и *суг-карга* (долинные) у шорцев, сагайцев и др.

Особый интерес представляют названия, включающие цветовые обозначения. Назовем только некоторые из таких наименований: *ак-чистар* и *кара-чистар* (белые и черные чистар) у бельтиров; *кара-соян*, *сары-соян* и *кызыл-соян* (черные, желтые и красные сояны) у тувинцев; *кара-шор* и *сарыг-шор* у шорцев; *кара-найман*, *кара-тодош*, *кара-телес* и т. п. у южных алтайцев и многие другие. Цветовые обозначения в названиях племен и родов уже привлекали внимание востоковедов, особенно тюркологов (лингвистов и этнографов)⁹. Они известны у кочевников с древних времен, начиная с хуннов (и их предшественников) и вплоть до XX в. Высказывается даже мнение, что этот древний обычай наименования народов отразился в этнонимике и топонимике Европы под влиянием азиатских кочевников¹⁰. Однако мнения исследователей о происхождении и семантике упомянутых цветовых обозначений в этнонимах расходятся. Одни из них связывают семантику подобных этнонимов с ранними китайско-тюркско-монгольскими космологическими представлениями, делящими вселенную на четыре области (страны света), у каждой из которых была своя цветовая характеристика. Другие связывают цветовые обозначения с военно-административной организацией кочевников. Третьи полагают, что цветовые различия, применяемые к одному и тому же этнониму или эпониму, отражают расселение частей одной и той же этнической общности по отношению друг к другу¹¹. Есть, конечно, и иные толкования этого явления, исходящие, например, из иерархической структуры родо-племенного устройства кочевников, и другие. Вопрос этот не может решаться однозначно для всех племен и народов и для всех времен. Народные представления помогают его решить конкретно. У тувинцев, например, такие обозначения как черные, желтые, красные сояны отражали географическую координацию расселения этих родственных групп тувинской народности, что соответствовало действительности еще в начале XX в.

Большую ценность для этногенетических исследований, в частности для изучения этнического состава и происхождения племен и народов, представляет сопоставление родо-племенных названий с древними этно-

⁹ O. Pritzak, Orientierung und Farbsymbolik. «Saeculum», IV, 1953; H. Ludat, Farbenbezeichnungen in Völkernamen, «Saeculum». V, 1954; J. Laude-Cirtautas, Der Gebrauch der Farbenbezeichnungen in der Türkdialekten, «Uralaltaische Bibliothek», X, Wiesbaden, 1961; A. v. Gabain, Von Sinn symbolischer Farbenbezeichnungen, «Acta Orientalia Hungar.», XV, 1—3, 1962. См. также: К. И. Петров, К этимологии термина «кыргыз» (Цветовая древнетюркская топо-этнонимика Южной Сибири), «Сов. этнография», 1964, № 2; Н. А. Баскаков, К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз», там же.

¹⁰ H. Ludat, Указ. раб., стр. 139, 144, 155.

¹¹ A. v. Gabain, Указ. раб., стр. 113, 114 и др.

ними. Одинаковые этнонимы, сохранившиеся у различных племен и народов, ныне разделенных огромными расстояниями и многовековой историей, дают ценный документальный материал для исторических выводов и обобщений. Достаточно указать в этой связи, что известные по древним письменным источникам многие названия народов, племен или родов сохранялись до сравнительно недавнего времени в качестве названий родов, племенных и прочих групп у алтайцев, тувинцев, шорцев, хакасов, киргизов, казахов, узбеков, башкир и т. д. Таковы названия *тюргеш*, *карлук*, *телес*, *тюрк* и многие другие. То же самое наблюдается в отношении таких средневековых тюркоязычных народов, как уйгуры, киргизы, кыпчаки, найманы и другие. Сказанное мы относим главным образом к самим этнонимам как таковым, но не к их народной этимологии, которая не может считаться надежной и бывает часто противоречивой. Примером этого может служить толкование этнонима *кыргыз*.

Советские этнографы широко и плодотворно используют этот ценный источник в своих исследованиях применительно как к отдельным народам, прежним родо-племенным образованиям, так и к их группам¹². Значение народных представлений об этническом составе народов состоит еще и в том, что с их помощью могут вноситься фактические коррективы в древние «монопольные» письменные источники, например китайские. А иногда они могут помочь и в расшифровке этих источников. Таковы, скажем, сведения о «пеголошадниках», о культе коня, о некоторых племенах, упоминаемых в памятниках древнетюркской письменности, и др.

Не менее существенное значение имеют местные, в прошлом широко распространенные в быту, своеобразные «народные классификации» своих и окружающих народов, племен и родов (выступающих в качестве таксономических единиц) и их более мелких подразделений. Большой интерес для изучения (даже по воспоминаниям) не только социальной, но и этнической истории представляют внутривидовые структуры — мелкие родственные подразделения, такие как *хан-торель* (кровные родственники) у тувинцев; *толь* (большая семья) у некоторых групп алтайцев и шорцев; *ата-балалары* (сыновья такого-то отца) у казахов; *бир атанын балдары* (сыновья одного отца) у киргизов; *коше* у каракалпаков; *ара*, *аймак* или *тармык* (родственное подразделение) у башкир и т. д.

Такого рода местная народная систематика, сохранившаяся в памяти населения, отражает некогда вполне осознанную и реальную этническую и социальную структуру племен и народов с ее своеобразной иерархией и субординацией. Она позволяет уловить и охарактеризовать соотношение этих групп, а в некоторых случаях и ту или иную зависимость их друг от друга. Однако нужно отметить, что по материалам наших исследований названные мелкие звенья социальной структуры, сохраняя свои этнические признаки, уже в предреволюционную эпоху практически теряли свою устойчивость, хотя и продолжали частично существовать в качестве пережиточных явлений. Тем не менее, воспоминания о них дают ценный исторический материал для рассмотрения и анализа упомянутой социальной структуры в ее более общем и целостном виде¹³. Видное место в упомянутой народной систематике занимала,

¹² Н. А. Сердобов, История формирования тувинской нации, Кызыл, 1971; Б. Д. Джамгерчинов, Из генеалогии киргизов, в кн.: «Белек. С. Е. Малову», Фрунзе, 1946; Сб. «Этнонимы», М., 1970, и др.

¹³ См.: Т. А. Жданко, Работы Каракалпакского этнографического отряда в 1956 г., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 1, М., 1959 (о «коше»); Г. Н. Симанов, О некоторых результатах поездки в Киргизию, в кн.: «Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1971 г.», I, М., 1972; В. П. Курылев, Кочевая группа западных казахов-адаевцев, в кн.: «Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых исследований Ин-та этнографии в 1972 г.», М., 1974.

конечно, атрибуция этнической, племенной и родовой принадлежности в том виде, как это осознавалось в народном представлении.

Однако необходимо учитывать, что родо-племенная структура у многих народов не была стабильной. Ее подвижность находила отражение и в самой терминологии, применявшейся к понятию «племя» и его подразделениям — «род», «подрод» и т. п. Нередко одним и тем же термином обозначались и племя, и род или их подразделения. Иногда для одной и той же этнической общности употреблялись различные термины, как собственно тюркские, так и заимствованные из других языков (арабского, иранских, монгольских).

К числу наиболее реальных можно отнести сведения, касающиеся средних и тем более низших звеньев родо-племенной структуры. Более легендарный характер имеют данные, относимые к высшим звеньям этой структуры. Не вызывает сомнений достоверность большинства тех исторических и генеалогических преданий, которые составляют главное содержание народной этногонии и могут быть датированы XVII—XIX вв., а отчасти и более ранним периодом. Разумеется, эта хронология имеет условный характер, поскольку отраженные в предании сведения передавались, как правило, устным путем, в соответствии со сложившейся у каждого народа исторической традицией. Эта традиция была чрезвычайно устойчивой. В качестве примера можно привести предания и генеалогии, записанные в середине XIX в. у казахов и киргизов известным востоковедом Ч. Валихановым. Без существенных изменений они были зафиксированы советскими исследователями у представителей старшего поколения названных народов почти через сто лет, в 1950-х годах. К этому материалу примыкают представления о происхождении народов (иногда в виде легенд), племен, родов, отдельных локальных групп, их расселении, передвижении.

Существенной частью народной этногонии являются конкретные представления о родстве народов, племен, родов и их различных разветвлений, подразделений и т. п., которые служат основой и критерием для всяческого рода генеалогий, больших и малых, групповых и индивидуальных.

В этом генеалогическом родстве прослеживаются несколько разновидностей. Таково прежде всего родство по происхождению в рамках племени и рода, признаком которого служит сознание принадлежности отдельного человека к тому или иному племени или роду. Это родство в народных представлениях обычно выступает как кровное, в силу чего браки между такими сородичами у многих народов не допускались. Например, у алтайцев сородичи называли друг друга термином *карындаш*, что значит буквально «единоутробный»¹⁴, у киргизов *боордош* — в том же значении. Понятие о величине и рамках рода у названных выше народов не было одинаковым. У одних из них род разрастался без ограничения, у других отпочковывались его части и превращались как бы в новый род, сохраняя при этом старое название, но с тем или иным прилагательным (например, у алтайцев — *найман*, *когуль-найман*, *каранайман* и т. д.). Вследствие этого и родовая экзогамия носила несколько различный характер. Скажем, если у алтайцев она охватывала всех родственников по сеоку (роду отца), носящих общее родовое имя, всех степеней родства без ограничения, то у киргизов и казахов экзогамия ограничивалась лишь определенным числом поколений, вне которых ее действие прекращалось. Отметим, что у ряда тюркоязычных народов ко времени Великой Октябрьской социалистической революции родовая

¹⁴ Некоторые исследователи не без основания полагают, что *карындаш* как термин, означающий сородича, сложился в условиях рода, основанного на материнском праве. См. М. Г. Левин, Роды «карындаш» у алтайцев, «Сов. этнография», Сб. статей, 1947, № 6-7.

экзогамия либо уже вовсе не существовала, либо наблюдались только ее слабые следы (например, у тувинцев, туркмен и др.).

Следовательно, у рассматриваемых народов признавалось кровное родство. Но фактически, в условиях господства родовой экзогамии и патрилинейности, характерных для тюркоязычных кочевников, подлинное биологическое родство под влиянием упомянутых общественных норм осознавалось только по линии отца, вследствие чего браки между сородичами в роде, основанном на отцовском счете родства, не допускались. Браки же с близкими родственниками со стороны матери, которые при патрилинейном счете родства принадлежали к другому роду, напротив, считались желательными, а когда-то, видимо, даже обязательными.

Однако и такое одностороннее кровное родство было во многих случаях родством лишь по форме, отвечающим нормам экзогамного патрилинейного рода. На это указывают многочисленные факты смешанного происхождения отдельных племен и родов, образовавшихся в результате консолидации частей раздробленных народов, племен и родов или племенных конфедераций средневековья, которые воспроизводились и сохранялись (например, у алтайцев, башкир, киргизов, каракалпаков, узбеков) под старыми народными или племенными названиями (*кыпчак, найман, канглы, кытай* и др.). Эти как бы «вторичные» образования, особенно в виде родов, что весьма характерно для алтайцев, формировались по модели патрилинейного экзогамного рода (хотя иногда они даже состояли из различных этнических элементов), т. е. по древнему стереотипу. Возникали они чаще всего в условиях дробления и смешения разных групп кочевников под влиянием характерных для них систематических войн и набегов. Этот процесс отразился в рассказах о происхождении отдельных родов или племен от отдельных лиц мужского пола, тем или иным способом спасшихся от врагов. В таких рассказах (особенно у народов Южной Сибири) нередки и легендарные элементы, относящиеся к судьбе оставшихся в живых членов истребленного рода или племени. Оказавшись по тем или иным причинам в чужой родоплеменной среде, осколки раздробленных племен, народов, родов сохраняли свое самоназвание, постепенно интегрировались между собой по этому признаку и превращались в новые таксономические родоплеменные единицы под старым названием, подвергаясь нередко языковой и культурно-бытовой ассимиляции в этнической среде победителей.

Таким образом, отмеченная К. Марксом еще для древних азиатских обществ простота производственной и социальной структуры племен не только раннего, но и позднего средневековья приводила к тому, что они постоянно воспроизводили себя в одной и той же устойчивой форме, проявляя большую жизнеспособность. Разгромленные и рассеянные при очередном набеге враждебных племен, они довольно быстро возникали вновь, часто на той же территории и под теми же названиями и, оправившись от удара, входили в новую комбинацию какого-либо социально-политического и этнического объединения. Различные политические комбинации отдельных удачливых или неудачливых ханов, предводителей, борющихся между собой за власть, за пастбищные территории, за зависимое население, не затрагивали основы социально-экономических элементов военно-административных или государственных объединений кочевников. Именно это, как писал К. Маркс, и объясняет тайну «неизменности азиатских обществ, находящихся в таком резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой смены их династий»¹⁵.

К рассматриваемой категории родства можно отнести также родство по адаптации отдельных лиц, а иногда и целых групп, принятых в род

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 371.

или оказавшихся в роде (военнопленные, припущенники, рабы или крепостные, попавшие в род в составе калыма или приданого). Некоторые из них становились даже «родоначальниками» новых родо-племенных подразделений, примеры чему можно найти у алтайцев, киргизов и других народов.

Генеалогическое родство охватывало у многих названных выше кочевников, по их представлениям, и крупные этнические единицы и подразделения родов: большесемейные общины, семейно-родственные группы, состоявшие из больших и малых семей, и т. п. Эти распространенные генеалогические «микроструктуры» отражали, как правило, кровное родство, включавшее «цепочку» предков ряда поколений, преимущественно по мужской линии. Они были отчетливо выражены в названных выше родственных подразделениях: больших семьях у саяно-алтайских народов, семейно-родственных группах у казахов, киргизов, каракалпак и т. д.

Имевшая распространение у некоторых из названных народов полигамия создавала осложняющие моменты в генеалогических структурах и одновременно корректировала узаконенные обычным правом нормы экзогамии. Сыновья, родившиеся от одного отца, но от разных матерей, давали начало новым самостоятельным генеалогическим линиям, их потомков иногда называли даже по именам матерей, для вступления этих потомков в брак между собой допускалось меньшее число поколений (при отсчете от предка), чем в обычных случаях.

Наконец, назовем еще одну категорию родства, признававшуюся кочевниками. Речь пойдет о мифологическом родстве, уходящем в глубокую древность, представления о котором переплетались с ранними формами религиозных воззрений. Такое родство вели от мифологических предков, выступавших в образах зверей, птиц и т. д., имена которых нередко присваивались тому или иному племени, роду. Иногда в этом явлении явно выступают следы тотемистических представлений¹⁶. В недавнем прошлом такое «родство» наблюдалось и у некоторых современных народов. В этой связи кстати вспомнить мнение К. Маркса о греческих мифах: «Хотя греки и выводили свои роды из мифологии, эти роды древнее, чем созданная ими самими мифология с ее богами и полубогами»¹⁷.

Не касаясь здесь методических приемов сбора и изучения материалов народной этногонии, отметим, что значение этих материалов оказывается наиболее эффективным тогда, когда они собираются комплексно, охватывая ряд вопросов. Это позволяет иногда приближаться и к датировке событий, связанных с этнической историей, и устанавливать пути миграций отдельных этнических групп, определять место тех или иных занятий в их хозяйственной жизни. Хорошо выверенная индивидуальная генеалогия, доведенная до самого отдаленного предка, сопровождаемая точными данными о местах погребения всей «цепочки» предков, порой открывала нам возможность проследить довольно продолжительный во времени, длинный и извилистый в пространстве путь, проделанный не только родовым подразделением, к которому принадлежал информатор, но и более крупной этнической группой. Одновременно удавалось выяснить и причины такого передвижения. Не требует, видимо, аргументации важность и необходимость картографирования данных, относящихся к народной этногонии¹⁸.

Материалы, относящиеся к народным этногенетическим знаниям, требуют, разумеется, критической проверки и оценки, записей в разных местах, у различных групп населения и у разных носителей подобной

¹⁶ Ю. А. Зуев, Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков, Автореферат канд. дисс., Алма-Ата, 1967.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 102.

¹⁸ Ср.: Р. Г. Кузеев, Происхождение башкирского народа.

информации, тщательного сопоставления их между собой, а в последующем строгой корреляции с данными других видов источников (письменных, фольклорных, лингвистических, этнографических и т. д.).

В перечисленных выше сюжетах народной этногонии особенно важное значение для исследования этногенеза и этнической истории, для выяснения исторических, этнокультурных и этногенетических связей, как и для изучения социальной структуры скотоводов-кочевников и полукочевников, имеют родо-племенные деления с их сложной и детализированной номенклатурой. На рассмотрении этого вопроса стоит остановиться по возможности подробнее ввиду источниковедческого значения упомянутого материала, используемого советскими этнографами и историками в своих историко-этнографических исследованиях. Прежде всего необходимо напомнить о происхождении и характере родо-племенной структуры вообще. Четкие данные на этот счет приведены классиками марксизма на основе изучения ими трудов и материалов Л. Моргана, сочинений ранних греческих и римских историков и т. п. Возникновение родо-племенной общественной структуры классики марксизма относили к той ранней архаической стадии первобытного общества, когда род и племя представляли собой «естественно выросшую структуру»¹⁹, при которой род, основанный на материнском праве, был основной общественной ячейкой. Знание степеней родства между членами рода и имя рода приобретались с детских лет. Родовое имя служило доказательством и свидетельством общности происхождения его носителей. Лишь оно могло создавать и поддерживать родословную, ибо родословная отдельной семьи не имела значения на этой стадии развития общества. Устойчивость общего родового имени, опирающаяся на его носителей, гарантировала его живучесть на длительном отрезке времени, в то время как родословные отдельных семей быстро терялись в глубинах истории. Однако уже в первобытную эпоху, особенно в период ее разложения, когда архаический род уступил место роду, основанному на отцовском праве (с наследованием детьми имущества отца), родо-племенные деления, их названия и родословные уже не могли отражать действительное биологическое родство. Ф. Энгельс при исследовании рода и государства в Риме отметил, что в период основания Рима «на племенах лежит печать искусственного образования, однако большей частью из родственных элементов и по образцу древнего, естественно выросшего, а не искусственно созданного племени»²⁰.

У кочевников родо-племенная структура была зафиксирована письменными источниками в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры (например, у гуннов, впервые создавших кочевое государство). Письменные источники неоднократно подтверждают, что родо-племенная структура была характерна для ряда сменявших друг друга государств тюркоязычных и монголоязычных кочевников восточной части Центральной Азии на протяжении I тысячелетия н. э. Наконец, во II тысячелетии н. э., вплоть до начала XX в., она была характерной для тюркоязычных кочевников, значительная часть которых вошла в состав Русского государства. Таким образом, родо-племенная структура, изменяясь на протяжении многих веков, сохранялась как элемент общественного устройства в условиях различных социально-экономических формаций.

У народов, ведущей отраслью хозяйства которых было экстенсивное пастбищное скотоводство, реликты родо-племенной структуры нередко истолковывались некоторыми исследователями как признаки родового строя. Как известно, советским этнографам и историкам удалось опровергнуть «родовую» теорию и доказать патриархально-феодальный характер этого строя.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 156.

²⁰ Там же, стр. 120.

Еще до нашей эры у так называемых ранних кочевников Центральной и Средней Азии, Южной Сибири, как об этом говорят письменные источники и археологический материал, нарастало имущественное неравенство, которое порождало глубокую социальную дифференциацию. Но классовое расслоение, приводившее к образованию государств у кочевников, в условиях кочевого пастбищного скотоводства не разрушило родо-племенную структуру с ее родо-племенными делениями, а сочеталось с нею, так как эта структура имела определенное практическое значение. После победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти с ликвидацией эксплуататорских классов родо-племенное деление, потеряв реальное значение в жизни (особенно в связи с переходом кочевников к оседлости), исчезло.

В чем же состояло практическое значение родо-племенной структуры, позволившее ей сохраняться у предков советских тюркоязычных народов почти до начала XX в.? Причин этого, действовавших в различные исторические эпохи, было несколько. Но на всем протяжении существования кочевничества едва ли не главной из них было то обстоятельство, что родо-племенное устройство вытекало из специфического кочевого и полукочевого образа жизни скотоводческих народов, вызванного хозяйственной необходимостью постоянного передвижения со стадами с целью сезонного использования пастбищ (экстенсивное скотоводство). Такой образ жизни либо вовсе исключал сколько-нибудь прочные территориальные связи по причине их неустойчивости, либо допускал их в крайне ограниченных пределах.

В этих условиях относительно длительное проживание на определенной территории могло иметь лишь весьма условный характер, тогда как принадлежность к тому или иному племени или роду, или другой кочевой группе была стабильной, легко устанавливаемой и поддающейся учету, даже самому примитивному.

В сохранении возникшего в древности родо-племенного деления у кочевников видную роль во все времена играли войны и грабительские набеги. Последние вызывались стремлением к расширению пастбищ и кочевий, к захвату скота и людей, обращению пленных и побежденных в рабство или данническую зависимость и т. д. Особенно характерно это было для периода варварства, когда, по известному выражению Ф. Энгельса, война и организация для войны становятся «регулярными функциями народной жизни»²¹. С развитием феодальных отношений подобные акции превращались часто в крупные и затяжные междоусобные и межплеменные конфликты, втягивавшие в свою орбиту десятки и сотни тысяч рядовых кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев и ремесленников. Обычно военное формирование у кочевников строилось по принципу родо-племенного ополчения. Однако в больших племенных конфедерациях или государствах кочевников военно-административное устройство включало в себя как крупные пространственные подразделения — центр и фланги («крылья»), так и числовую систему военных единиц (десятки, сотни, тысячи, десять тысяч)²². Родоплеменные единицы использовались при формировании числовых военных единиц, а их названия переносились на наименования этих соединений. Такой способ был удобным и простым в условиях рассматриваемого общественного устройства и хозяйства кочевников. При этом номинальный численный состав военизированных соединений, например сотни, тысячи или десятки тысяч (тумен), далеко не всегда совпадал с фактическим численным составом входивших в них родо-племенных групп. В составе

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 164.

²² Об этой системе у монгольских кочевников см.: Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934. В более раннее время она существовала у хуннов (сюнну). См.: «Материалы по истории сюнну», вып. 1—2, М., 1968, 1973 (Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина).

крупных соединений, таких, например, как тумен или тьма, иногда оказывалось несколько родо-племенных единиц²³.

Тем самым и военная организация кочевников способствовала стойкости родо-племенных подразделений и их названий.

Отметим еще одну существенную причину, связанную со спецификой процесса формирования народностей у кочевников, представлявшего собой важный аспект их этнической истории. При кочевом образе жизни вообще, да еще в условиях систематических войн и набегов, консолидация различных племен и родов в единую народность была, с одной стороны, весьма замедленной и трудной вследствие большой мобильности населения, а с другой — неустойчивой.

Процесс формирования народностей у кочевников тормозился рядом неблагоприятных условий, таких, например, как разбросанность небольшого по численности населения на огромной территории, стало быть, его крайне малой плотностью; как кочевание небольшими группами с целью обеспечить скот подножным кормом в течение круглого года, отсутствие оседлых поселений и т. д. Все это, конечно, не могло способствовать постоянной концентрации населения на той или иной определенной территории, содействовать смешению родов и племен в единый этнический массив с растворением в нем родо-племенных групп. И тем не менее народности у кочевников возникали под общим названием (кыргызы, кыпчаки, узбеки и др.). Они осознавали свою этническую общность и принадлежность, не говоря уже об общности языка, культуры, быта. И все это сочеталось с сохранением родо-племенного деления.

Последнее обстоятельство в большой степени вызывалось все той же практической необходимостью учета населения и организации кочевого хозяйства. Наконец, живучесть родо-племенных делений и их названий объяснялась в значительной степени еще тем, что сами родо-племенные единицы разных уровней сохраняли целый комплекс повседневно бытовавших традиций, представлений, норм и обычаев, восходивших по своему происхождению к периоду родового строя. Несмотря на то что последние тоже исподволь подвергались модернизации, разного рода модификациям, упомянутый комплекс способствовал в свою очередь устойчивости родо-племенных делений. Таким образом, на протяжении всей истории кочевничества вплоть до самого недавнего времени эти деления выступали в двоякой функции: как звенья социальной структуры и как этнические единицы.

Из сказанного следует, что родо-племенное деление у тюркоязычных кочевников было исторически обусловленным явлением, порожденным материальными условиями их существования, и занимало определенное место в их истории. Его нельзя исключить из их истории, как нельзя из нее изъять классы, классовую борьбу, реально существовавшие племенные связи и войны, обычное право, систему религиозных представлений и т. д. и т. п. Но, разумеется, нельзя принять и ту точку зрения, которую, например, предлагает в своей работе американский исследователь Л. Крадер, утверждая, что у скотоводческих народов Азии «политические и другие социальные связи основаны на кровных связях»²⁴. Такое преувеличение роли кровнородственных связей (по автору, даже «государство сохраняет единокровную организацию общества») совершенно искажает всю историческую картину жизни скотоводов-кочевников, по крайней мере со времен ранних тюрков. Да и само понятие родственных связей у кочевников было далеко от чисто биологического аспекта.

²³ См. С. А. Козин, *Сокровенное сказание*, т. I, М.—Л., 1941 (см., например, § 7).

²⁴ L. H. Krader, *Social organization of the Mongol-Turkic pastoral nomads*, «Indiana Univ. Publ., Uralic and Altaic Series», vol. 20, 1963, p. 351.

У тюркоязычных кочевников, по крайней мере с раннего средневековья вплоть до XIX в., эта структура постоянно только воспроизводилась по ее архаической модели и далеко не всегда отражала реальное кровное родство тех или иных кочевников, о чем было сказано выше.

Тем не менее, в нашей литературе высказывались на этот счет другие, причем нередко прямо противоположные точки зрения. В этой связи достаточно упомянуть о мнении В. С. Батракова, который писал, что у кочевых народов «вплоть до недавнего времени сохранялись такие пережитки первобытного строя, как широкие племенные и родовые организации, отношения, связи и традиции, которые в своей совокупности можно назвать патриархально-родовым бытом...»²⁵. Г. Е. Марков, наоборот, настаивает на том, что «она (племенная структура.— авт.) не была, как это предполагают, пережитком эпохи первобытнообщинного строя, а отражала хозяйственную и военную организацию и была единственно возможной при кочевом хозяйстве»²⁶.

Исходя из сказанного выше, нам представляется, что с обоими упомянутыми крайними суждениями невозможно согласиться. Родо-племенная структура ранних кочевников, возникнув естественным путем, в последующие эпохи продолжала свое существование как форма социальной жизни под влиянием ряда причин, а вовсе не отражала лишь их хозяйственную и военную организацию, как полагает Г. Е. Марков.

В то же время она не может рассматриваться только как застывший пережиток первобытного строя, что следует из формулировки В. С. Батракова. Хотя родо-племенные деления у поздних кочевников и были традиционной формой их общественного устройства, необходимо учитывать, что сами племена и роды как социально-этнические категории входили в систему вполне оформившихся классовых отношений. Внутри племен и родов в свою очередь наблюдалась как имущественная, так и социальная дифференциация.

Нам остается сказать еще об одном существенном обстоятельстве. Рассматривая источниковедческую историческую ценность народных знаний о родо-племенных делениях и их названиях, мы отнюдь не имели в виду родовую идеологию. Эти понятия нельзя отождествлять и путать. Родовая идеология как таковая всегда играла реакционную роль прежде всего потому, что наиболее активным носителем и защитником ее был господствовавший класс кочевников. Нельзя забывать о том, что родо-племенная идеология в общественно-исторических условиях недалекого прошлого, проповедовавшая родо-племенное «равенство», единство и так называемую взаимопомощь, под которыми практически скрывалась жестокая эксплуатация кочевой верхушкой своих сородичей и соплеменников, способствовала затуханию классовых противоречий, ослаблению классовой борьбы, задерживала формирование общего этнического или национального самосознания, служила питательной средой для феодальной раздробленности, межплеменной розни и т. п. Эта сторона родовой идеологии кочевников должна находить квалифицированную оценку в трудах по истории кочевых в прошлом народов. Но было бы большой ошибкой и недооценивать значение родо-племенного деления, наличие исторически сложившихся, реально существовавших этнических, родо-племенных групп. Это могло бы помешать объективной оценке их роли в этнической и социальной истории бывших кочевников.

Итак, народные знания о существовавших в дооктябрьский период родо-племенных делениях и их названиях у кочевников представляют

²⁵ В. С. Батраков, Особенности феодализма у кочевых народов, «Научная сессия АН Узбекской ССР 9—14 июня 1947 г.», Ташкент, 1947, стр. 433, 434.

²⁶ Г. Е. Марков, Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества), Автореферат докт. дис., М., 1967, стр. 9.

собой ценный историко-этнографический источник. Они убедительно свидетельствуют о том, что рассматриваемые нами народы вовсе не были лишены знаний о собственном происхождении, о некоторых стадиях или фазах своей этнической и социальной истории, о тех или иных исторических событиях своей жизни, как и жизни народов, с которыми они вступали в различные контакты. Такие народные знания, которые мы обобщенно называем народной этногонией, весьма часто отличаются конкретной исторической достоверностью, обычно подтверждаемой другими видами источников. Мы полагаем, что широкое использование охарактеризованного нами историко-этнографического источника в исследовательских работах будет способствовать изучению большого круга вопросов, связанных с происхождением, этнической и социальной историей того или иного народа, его историко-культурными и этногенетическими связями.

POPULAR ETHNOGONY AS A SOURCE FOR RESEARCH INTO ETHNIC AND SOCIAL HISTORY

(STUDY BASED UPON MATERIALS ON TURKIC-SPEAKING NOMADS)

Among popular lore studied by ethnographers an important place should be given by researchers to concepts and data pertaining to the origin, ethnic composition and ethnic history of individual peoples or groups of peoples, tribes, clans. This sphere of popular lore the authors have agreed to call «popular ethnogony». It is of interest not only as an element of people's intellectual culture but also as a valuable historical-ethnographic source. Popular ethnogony comprises, as a rule, genuine data on ethnic composition and its changes, on the genealogies of tribes, clans, and smaller subdivisions, on historical, social, and ethnocultural interrelations. Popular knowledge of ethnic history (ethnonymy, origins of tribes and clans, etc.) should not be identified with folklore: there is an essential difference between them, although what is known on ethnic history sometimes includes, besides historical facts, legendary, mythological concepts. It is such legendary concepts that may, to a certain extent, be regarded as historical folklore.

Research in the field of ethnic history has been shown by experience to be hardly possible without a wide use of materials of popular ethnogony including data on tribal and clan divisions and their names. In our country facts concerning the pre-revolutionary clan divisions among nomadic peoples are here and there stored in the memory of the older generation; they are frequently quite genuine and may usually be confirmed by other kinds of sources. Materials on tribal and clan divisions also comprise data valuable for reconstructing the social history of the nomads, e. g. for comprehending all manner of genealogical relationships, the specific processes by which nationalities become formed in nomadic populations, their tribal structure, their military organisation.

The authors contend that the tribal and clan divisions of nomads were historically conditioned and had double functions: that of links in the social structure and that of ethnic units.
